

СОДЕРЖАНИЕ

ЧУДИЩЕ МОРСКОЕ. <i>Перевод Ю. Каллистратовой</i>	5
ЛОВЕЦ ДУШ. <i>Перевод Н. Виленской</i>	193
БЕЛАЯ ЧУМА. <i>Перевод С. Рюмина</i>	327

ЧУДИЩЕ МОРСКОЕ

*«Особым» морякам Подводного флота США,
отобранным в экипажи первых атомных подлодок,
с глубоким почтением посвящается*

Блондинка за стойкой регистрации отвела в сторону микрофон диктографа и проворковала в интерком:
— Прибыл энсин¹ Рамзи, сэр.

Она откинулась на спинку стула и бесцеремонно уставилась на стоявшего перед ней рыжеволосого офицера. На его воротничке, рядом с инициалами «ПС» Психологической службы, красовалась зигзагообразная нашивка инженера-электронщика. Рослый, несколько полноватый парень с веснушками на круглом румяном лице напоминал повзрослевшего Тома Сойера.

— Адмирал никогда сразу не отвечает, — сообщила секретарша.

Рамзи кивнул и посмотрел на дверь позади нее. Массивная дубовая табличка с золотыми буквами: «Конференц-зал — Сек. 1». Первый секретный отдел. К привычным звукам офиса примешивался противный, как сверло дантиста, треск глушилки.

В голове завертелись всегдашние сомнения — в свое время именно они побудили его заняться психологией: «Вдруг мне дадут сверхсложное задание, с которым я не справлюсь? Что будет, если я откажусь?»

— Вы его на стойку поставьте, — сказала девушка, кивнув на деревянный черный ящик размером фут на фут, который Рамзи держал под мышкой.

— Он не тяжелый, — ответил энсин. — Может, адмирал не услышал? Попробуйте еще раз.

— Все он прекрасно слышал. Занят просто — совещается с начальством. — Блондинка опять кивнула в сторону ящика: — Это то, чего они ждут?

— Меня там, по-вашему, ждать не могут? — улыбнулся Рамзи.
Девушка презрительно фыркнула.

---

¹ Э н с и н — младшее офицерское звание в ВМС США.

— Станут они дожидаться какого-то энсина! Там полос на погонах хватит, чтобы целую субмарину потопить. Война идет, мистер. Им не до мальчишек на побегушках.

«Ах ты... — оскорбился Рамзи. — Перед командным составом, небось, расстилаешься».

Он хотел ответить какой-нибудь колкостью, но ничего подходящего на ум не пришло.

Блондинка тем временем вновь повернула микрофон к себе и продолжила надиктовывать.

«Слишком я засиделся в чине энсина, — думал Рамзи. — Каждая секретарша норовит опустить... — Он повернулся спиной к стойке и стал гадать: — Что им от меня понадобилось? Может, прослышали про мой фокус на “Дельфине”? Вряд ли, Док предупредил бы. Здесь, похоже, дело поважнее. Неужели настал мой звездный час?»

Судя по звуку, девушка за спиной вынула лист бумаги из диктографа и вставила новый.

«Вот выполню сверхважную миссию, вернусь героем, так она сразу завяляет хвостом и попробует побить время, которое я провожу с Дженет. Знаю я таких... И все-таки, зачем меня вызвали в Секотдел?»

Док вообще ничего не объяснил, просто велел захватить с собой телеметрический прибор и явиться сюда в 14:00. Вот он и явился. Рамзи глянул на часы. Без одной минуты два.

— Мистер Рамзи? — прозвучал сзади мужской голос.

Энсин крутанулся на месте. В дверях конференц-зала стоял седоволосый капитан. За ним тянулся длинный стол, заваленный бумагами, картами, карандашами и заставленный полными до краев пепельницами. Вокруг стола в массивных креслах восседали мужи в мундирах — словно застывшие изваяния в облаке сизого табачного дыма.

— Так точно!

Капитан скосил глаза на ящик под мышкой у энсина и отступил на шаг.

— Проходите.

Обойдя стойку регистрации, Рамзи вошел в зал. Капитан закрыл за ним дверь и указал на стул в торце стола.

— Прошу садиться.

«Где же Док?» — недоумевал Рамзи, переводя взгляд с одного на другого.

Наконец он увидел своего шефа: впалые щеки, редкая борода, одетый в штатское и похожий на ошипанную птаху, он сидел, зажатый между двумя дородными коммодорами, словно между конвоирами. Его ослепшие от радиации глаза смотрели прямо перед собой. Закрепленный на плече радар «летучая мышь» придавал ему какой-то скособоченный вид.

Рамзи сел на предложенный стул, усмехнувшись мысли, что главу Психбюро доктора Ричмонда Оберхаузена взяли под охрану.

«Стоит Доку рот открыть, и он их в два счета с землей сравниет».

Капитан, впусивший Рамзи, сел в дальнем конце стола. Энсин поставил черный ящик на колени — все взгляды напряженно следили за его движениями.

«Похоже, Док успел разрекламировать мое изобретение», — подумал он.

Жужжание глушилки ощущалось здесь куда сильнее. От него заныли зубы. Рамзи на мгновение зажмурился, сглотнув боль, затем открыл глаза и уставился на собравшихся. Некоторые лица были ему знакомы.

Крупные шишки, тут не поспоришь.

Напротив, во главе стола, восседал адмирал Белланд, всемогущий начальник Службы безопасности — исполин с орлиным носом, резко очерченным ртом и стальными глазами.

«На пирата смахивает», — решил Рамзи.

Адмирал прокашлялся басом и начал:

— Джентльмены, это тот самый энсин, о котором шла речь.

Брови Рамзи поползли вверх. Он посмотрел на нечитаемое лицо доктора Оберхаузена. Руководитель Психологической службы, судя по всему, выжидал.

— Уровень его допуска к секретной информации всем известен, — продолжал Белланд, — поэтому говорить при нем можно вполне свободно. У кого есть к нему вопросы?

— Прошу прощения. — Доктор Оберхаузен медленно и уверенно поднялся между двумя коммодорами. — Видите ли, я пока не вводил мистера Рамзи в курс дела. В интересах предстоящей операции, думаю, будет лучше, если мы перестанем обращаться с ним как с сухим пайком. — Невидящие глаза остановились на Белланде. — Согласны, адмирал?

Белланд подался вперед.

— Разумеется, доктор. Я, собственно, к тому и вел. — За почти-тельным тоном адмирала угадывался испуг.

«Док крутит ими, как хочет, — думал Рамзи, — а эти пентюхи и понятия не имеют, что ими манипулируют. Похоже, он ждет, что я ему подыграю».

Доктор Оберхаузен с прямой как палка спиной сел на место. Поставил, так сказать, точку.

Белланд отодвинул кресло, царапнув пол. Он вышел из-за стола и направился к стене, на которую проецировалась карта Арктики и прилегающих областей.

— Энсин Рамзи, в этих водах за прошедшие двадцать недель мы потеряли двадцать подводных буксиров. — Адмирал всем корпусом

повернулся к собравшимся, будто школьный учитель, объясняющий классу задачу. — Известно ли вам о нашей острой потребности в нефти?

«Известно ли мне?» Рамзи едва не фыркнул вслух. Перед глазами замелькал нескончаемый список нормативов по экономии топлива: проверки, бланки запросов, особые статьи, награды за новаторские методы.

Он кивнул.

Адмирал продолжил раскатистым басом:

— Вот уже два года как мы пополняем запасы нефти из морских месторождений у континентального шельфа Восточного альянса.

Он сделал неопределенный жест в сторону карты. Рамзи широко раскрыл глаза.

«Значит, это не слухи? Наши подводные службы пиратствуют на вражеской территории?!»

— Мы разработали и внедрили новую технологию бурения, оснатив подводные буксиры высокоскоростными насосами с низким трением, — продолжал Белланд. — Конструкцию дополняет понтонная баржа из пластика нового типа. — Адмирал скривил лицо, очевидно, считая, что обворожительно улыбнулся, и стал еще больше похож на пирата. — Подводники окрестили баржу «улиткой», а насос — «комаром».

В комнате раздалась вежливые смешки. Рамзи натянул улыбку, заметив, что доктор Оберхаузен остался верен своей репутации Каменной маски.

— «Улитка» способна перевозить до ста миллионов баррелей за раз. Страны Восточного блока понимают, что теряют нефть, и даже догадываются, каким образом. Однако они не в курсе, где и когда это происходит. Мы водим их за нос. — Адмирал заговорил громче: — У нас лучшая система обнаружения, наши глушащие панели намного превосходят...

Его прервал надтреснутый голос доктора Оберхаузена:

— Мы обошли их во всем, вот только они продолжают топить наши подлодки.

Адмирал нахмурился.

Поняв, что настал его черед, Рамзи вступил в разговор.

— С учетом двадцати потопленных субмарин, сэр, каков общий процент потерь?

Сидящий рядом с Белландом капитан с лицом совы сухо ответил:

— Из последних двадцати миссий мы потеряли все двадцать.

— Сто процентов, — уточнил доктор Оберхаузен. Его незрячие глаза уставились на багрового лейтенанта-командера в дальнем конце стола. — Коммандер Тернер, будьте любезны, покажите мистеру Рамзи устройство, которое нашли ваши ребята.

Тернер пустил по столу черный цилиндр размером с толстый карандаш. Переходя из рук в руки, предмет наконец достиг Рамзи.

— Работа мистера Рамзи, естественно, связана с электроникой, — объяснил доктор Оберхаузен, пока его подопечный внимательно изучал прибор. — Он специализируется на устройствах для обнаружения травмирующих воспоминаний.

Энсин сразу смекнул: он — вездесущий эксперт Психбюро по электронике, читающий сокровенные мысли каждого. То есть при нем сокровенных мыслей лучше просто не иметь. Он демонстративно водрузил свой черный ящик на стол с видом человека, который с легкостью проник в тайну загадочного устройства и ничуть не впечатлился.

«Что это вообще за чертовщина?» — пронеслось в голове.

— Возможно, вы узнали в нем узкополосный передатчик, — обратился Белланд к Рамзи.

«Интересно, если сказать, что я вижу прибор насквозь, эти парни поверят? — думал Рамзи, рассматривая гладкую поверхность черного цилиндра. — Док их, небось, уже загипнотизировал».

Белланд говорил с Рамзи тем же почтительно-испуганным тоном:

— Враги подбрасывают такие вот штуковины на наши подводные буксиры. Вероятно, это устройства замедленного действия, которые активируются уже после выхода в море. К сожалению, разобрать ни один нам не удалось: при попытке взлома срабатывает механизм саморазрушения.

Рамзи перевел взгляд на доктора Оберхаузена, затем опять на Белланда, как бы говоря: «Нет чтобы сразу в Психбюро обратиться...»

— Однако Тернер полагает, что близок к разгадке, — вступился за свой департамент адмирал.

Рамзи посмотрел на багрового лейтенанта-командера.

«А если нет, тебя разжалуют», — смекнул он.

Бедняга вжался в кресло, стараясь не привлекать к себе внимания.

— Или же передатчики активируют вражеские агенты на борту, — заметил коммодор справа от Оберхаузена.

— Как бы там ни было, — попытожил доктор, — эти приборы направляют врагов к нашим секретным скважинам.

— Хуже всего то, — сказал Белланд, — что Восточный альянс внедрил своих шпионов задолго до войны. Теперь эти спящие агенты притаились среди нас и ждут отмашки. Где их только нет. — Он свирепо нахмурил брови. — Вплоть до моего шофера... — Адмирал осекся, перенаправив свирепость на Рамзи. — Мы надеемся, вы не из их числа.

— Надеетесь? — переспросил энсин.

— Я уверен, что среди присутствующих спящих агентов нет, — прорычал Белланд. — К сожалению, больше я ни в чем не уве-

рен. — Он вновь повернулся к карте и ткнул в остров в Баренцевом море. — Это Новая Земля. Вдоль ее западного побережья проходит узкий шельф, около сотни фатомов¹ в ширину, который заканчивается крутым обрывом. Там у нас скважина, причем, похоже, это богатейшее из известных нам месторождений. Враги о нем пока не прознали.

Доктор Оберхаузен выставил вперед костлявую руку и постучал пальцем по столу.

— Важно, чтобы мистер Рамзи уяснил себе психологический фактор. — Он развернулся к энсину. — Как вы понимаете, полностью держать наши потери в секрете невозможно. Информация просачивается, и в результате настроение у экипажей подводных буксиров — хуже некуда. Срочно необходимы *хорошие* новости.

— Вам слово, Тернер, — велел Белланд, прошел к своему креслу и опустился в него, словно корабль в сухой док.

Бледно-голубые глаза Тернера остановились на Рамзи.

— Мы тщательнейшим образом проверили и перепроверили личный состав подводных буксиров. Отобрали для миссии один из лучших экипажей. Сейчас его члены отдыхают в военном санатории Гарден-Гленна, выход в море через пять недель. Им как раз не хватает офицера-электронщика.

«Фрейд, твоя воля! Никак меня на подлодку сплавляют?» — ужаснулся Рамзи.

— Вас, собственно, за тем и вызвали, — словно прочитав его мысли, подтвердил Оберхаузен и, повернувшись к Тернеру, добавил: — Вы уж простите, командер, но позвольте я прямо перейду к делу.

Бросив взгляд на Белланда, Тернер сел на место.

— Конечно, доктор.

Оберхаузен поднялся с прежним чувством собственного достоинства.

— Тем более что это по моей части. Видите ли, мистер Рамзи, у их бывшего электронщика под конец миссии случился нервный срыв. Проблема вроде той, с которой вам пришлось столкнуться на «Дельфине». Только похлеще. На буксире меньше места, в команде всего четверо. Очаговые симптомы указывают на спровоцированную паранойю.

— Капитан? — спросил Рамзи.

— Именно.

«Сейчас мы поразим туземцев своими тайными познаниями», — хихикнул про себя Рамзи, а вслух сказал:

---

¹ Фатом, или морская сажень — единица длины в английской системе мер и производных от нее, равная 6 футам (около 2 м).

— Я наблюдал аналогичные симптомы боевой усталости на линкоре «Дельфин». — Он похлопал ладонью по черному ящику. — Перепады в эмоциональном состоянии капитана в той или иной степени отражались на всем экипаже.

— Доктор Оберхаузен проинформировал нас о вашей работе с персоналом «Дельфина», — уважительно вставил Тернер.

Рамзи кивнул с серьезным видом.

— Менястораживает вот какой момент, — сказал он. — Вы упомянули, что экипаж — один из лучших. У капитана с нестабильной психикой такого не бывает.

— Тут опять же вся надежда на вас, — пояснил Оберхаузен. — Мы чуть было не списали капитана на берег, как вдруг наш штабной Суперкомп выдал, что для операции у Новой Земли самая высокая вероятность успеха именно у этой команды. Впрочем, не без соблюдения определенных условий.

Доктор умолк и потерел мочку уха.

Рамзи понял намек.

«Вот оно что! Кое-кого из начальства такой расклад не устроил, и Доку позарез надо обеспечить мое присутствие на буксире. Кому это понадобилось? Адмиралу? Вряд ли, тот по одному слову Дока сам бы в подлодку прыгнул. — Энсин заметил хмурый взгляд командора слева от доктора и только теперь обратил внимание на его позолоченные петлицы. — Президентский советник! Тогда все ясно».

— Одним из условий, конечно, является скрытое наблюдение психолога, — понимающе закивал Рамзи. — Как вы планируете закрепить датчик-вампира на капитане без его ведома?

— У адмирала Белланда есть гениальное предложение, — ответил Оберхаузен. — Служба безопасности разработала новые детекторы против шпионских передатчиков. Они состоят из микроскопического динамика, хирургически вживляемого в шею, и вшитых в подмышки волновых сканеров. Миниатюрность разработки позволит вместе с динамиком поместить и нужный вам датчик.

— Отличное решение, — похвалил адмирала Рамзи. — Вы чипируете шкипера и отправляете меня следить за его психическим состоянием.

— Именно. Однако тут не обошлось без возражений, — сказал доктор, нацелив незрячие глаза на командора слева. — Озабоченность вызвана отсутствием у вас боевого опыта на глубоководных буксирах, требуемого для этой особенной миссии.

Коммодор презрительно хмыкнул и уставился на Рамзи.

— Мы воюем вот уже шестнадцать лет, — проворчал он. — Как вы ухитрились избежать боевых действий?

«Чертов ретроград, — подумал энсин. Он прищурился и повернул свой телеметрический прибор, направив прямо на коммодора. — В сомнительных ситуациях выручает бортовой залп».

— Каждый солдат, сохраненный для боя, приближает победу, — сказал Рамзи.

Лоснящееся лицо коммодора побагровело.

— Благодаря редкому сочетанию специальностей — психологии с электроникой — мистер Рамзи является ценным сотрудником, которым не следует рисковать, — вмешался доктор Оберхаузен. — Его отправляют исключительно по особым заданиям, как, например, на «Дельфин», где никто другой не справится.

— Если он такой ценный специалист, то зачем рисковать им сейчас? — сердито спросил коммодор. — Все это в высшей степени против правил!

Адмирал Белланд вздохнул, не сводя глаз с коммодора.

— Разумеется, Луис, освоить управление новым устройством для отслеживания эмоциональных состояний может кто угодно. Однако сейчас нам как никогда необходима уникальная изобретательность мистера Рамзи.

— Не считите за грубость, — не унимался коммодор, — но хотелось бы знать, почему тогда этот уникальный, как вы говорите, молодой человек... — он покосился на воротничок Рамзи, — до сих пор в чине энсина.

Доктор Оберхаузен поднял руку.

— Позвольте мне, дражайший адмирал.

Он повернулся к коммодору.

— Видите ли, до сего дня мне удавалось сохранять руководящие посты в нашем подразделении за штатскими, включая меня самого. Такое положение вещей возмущает тех, кто не понимает важности подобного разграничения. Тем более прискорбно, что рядовым сотрудникам отдела, которые обязаны носить военную форму, даже самым талантливым из них, так трудно получить повышение.

Казалось, коммодор вот-вот взорвется.

— По справедливости, — невозмутимо продолжал доктор Оберхаузен, — мистер Рамзи заслуживает как минимум звания коммодора.

Сидящие за столом начали дружно откашливаться, будто у них одновременно запершило в горле. Энсин был готов сквозь землю провалиться.

— Ладно, снимаю свои возражения, — сказал коммодор тоном, не вызывающим сомнений: он этого так не оставит.

— Согласно моему плану, — вновь заговорил доктор, — по завершении миссии энсин Рамзи уйдет в отставку, и я назначу его руководителем нового бюро, специализирующегося на проблемах подводников.

Губы коммодора растянулись в кривую ухмылку.

— Если он выживет.

Рамзи нервно сглотнул.

Пропустив замечание мимо ушей, Оберхаузен продолжил:

— Подготовка будет нелегкой. Впрочем, в нашем распоряжении еще пять недель и услуги всей Психологической службы.

С трудом подняв себя из кресла, Белланд отошел на шаг от стола.

— Джентльмены, если вопросов больше нет, предлагаю считать кандидатуру мистера Рамзи одобренной. — Он глянул на наручные часы. — Медики наготове, его уже ждут. Полагаю, в грядущие пять недель ему лучше не терять ни минуты.

Рамзи встал, взял под мышку телеметрический ящик. В глазах застыл немой вопрос.

— Вас тоже чипируют как ходячий детектор, — проговорил Белланд.

Рядом с энсином материализовался доктор Оберхаузен.

— Пройдемте со мной, Джон. — Он подхватил Рамзи под локоть. — Я собрал кое-какую информацию о командере Спарроу — капитане вашего подводного буксира — и о двух других членах экипажа. Мы оборудовали для вас отдельный отсек. Будете нашим почетным пациентом...

Выходя, Рамзи услышал, как Тернер кому-то шепнул:

— Доктор Оберхаузен назвал энсина Джоном, слышал? Не тот ли это Долговязый Джон, который...

Остальное заглушил голос Оберхаузена, внезапно заговорившего громче.

— Само собой, вам придется нелегко. — Он вытолкал энсина в коридор. — Вашу жену уже поставили в известность. — Доктор понизил голос. — А ты держался молодцом, Джонни.

«Незрячий зрячего ведет», — неожиданно подумал Рамзи. Соображив, что смеется вслух, он сделал попытку оправдать свой смех.

— Вы тоже! Здорово уделали того нахрапистого коммодора.

— Врун из тебя никакой, — покачал головой доктор Оберхаузен. — Ну да ладно. Кстати о коммодоре: он член совета, на котором решаются вопросы повышений для сотрудников Психслужб.

Смех мгновенно застрял у энсина в горле.

* * *

Впоследствии тот период подготовки Рамзи часто называл «временем, когда я похудел на двадцать фунтов».

Ему отвели три палаты в звукоизолированном отсеке военноморского госпиталя Унадиллы. Белые стены, плетеная мебель, про-

жженный окурками стол из красного дерева, простенький телевизор и высокая больничная койка вместо кровати. Одна из комнат предназначалась для тренинга: гипнофон, диаграммы на стенах, макеты, кассеты, фильмы.

Жене энсина, белокурой медсестре Дженет, определили график посещений: с вечера субботы до конца воскресенья. Двухлетнего Джона-младшего и четырехлетку Пегги в госпиталь не пускали, поэтому детей снарядили и отправили к бабушке в Форт-Линтон, штат Миссисипи.

В первый же их вечер Дженет в красном платье ворвалась к Рамзи и, едва чмокнув мужа, принялась возмущаться:

— Я так и знала!

— Что знала?

— Что твое начальство во главе с этим жутким Обе рано или поздно заставит нас заниматься любовью по расписанию!

Уверенный в том, что за каждым его шагом ведется наблюдение, Рамзи сделал предостерегающий жест.

— Пускай подслушивают! — сердито фыркнула жена. Она плюхнулась на ротанговую кушетку, закинула ногу на ногу, прикурила сигарету и шумно выдохнула дым. — У меня от твоего Обе мурашки по спине бегут.

— А ты не поддавайся, — отозвался муж.

— Так ведь он нарочно нагоняет жуть! — возразила она.

— Ну... да, — согласился Рамзи.

Дженет неожиданно вскочила на ноги и бросилась в объятия мужа.

— Ой, ну что я за дура! Мне же велели тебя не расстраивать.

Он поцеловал жену, взъерошив ей волосы.

— А я и не расстроен.

— Вот и я им сказала, что при всем желании не смогу тебя расстроить. — Она отстранилась. — Милый, а что за задание? Очень опасное? Опять гонят на какую-нибудь ужасную подлодку?

— На этот раз предстоит поработать с нефтяниками, — ответил Рамзи.

Жена улыбнулась.

— О, совсем не страшно. Скважину будешь бурить?

— Все уже пробурили до меня. Теперь просто хотят повысить темпы добычи.

Дженет чмокнула его в подбородок.

— Надо же, эксперт по производительности.

— Пойдем куда-нибудь поужинаем, — предложил он. — Как де-тишки?

Они вышли, держась за руки и болтая о детях.

* * *

День Рамзи начинался в пять утра с прихода медсестры. Она будила его уколом, нейтрализующим гипнофонные препараты. Потом протеиновый завтрак. Еще уколы. Анализ крови.

— Будет немножко больно.

— Ай! Это, по-вашему, «немножко»? Предупреждать надо!

— Что вы как ребенок...

Диаграммы. Чертежи буксиров класса «Адский челнок».

Затем наступала очередь эксперта Секотдела по глубоководным буксирам. У лысого, как бильярдный шар, Клинтон Риды были глаза-щелочки, узкий нос, тонкие губы и толстая кожа. А еще гипертрофированное чувство долга и напрочь отсутствующее чувство юмора.

— Крайне важно, Рамзи, чтобы вы знали судно как свои пять пальцев, чтобы вслепую могли ориентироваться и управлять любым аппаратом на борту. Через пару дней вам поставят макет, но сначала необходимо зафиксировать планировку в голове. Поупражняйтесь с чертежами, а после мы протестируем вашу память.

— Общий план судна я уже выучил. Можете проверять.

— Где расположен реактор?

— Детский вопрос.

— Отвечайте.

— Ладно. Он занимает первые тридцать два фута носового отсека.

— Почему там?

— Из-за каплеобразной формы подлодок данного класса, а также для дифферентовки. И потом, в носовой части больше места для противорадиационной защиты.

— Толщина противорадиационной стены реакторного отсека?

— Это я упустил.

— Двенадцать футов. Хорошенько запомните: двенадцать футов.

— Зато я знаю, из чего она сделана: гафний, свинец, графит и пенополиэтилен.

— Что находится на противорадиационной стене с внутренней стороны корабля?

— Датчики прямого считывания параметров реактора. Их показания также дублируются в главный командный пункт, на переднюю переборку — справа, если смотреть с капитанского мостика. Далее вдоль стены идут шкафы с радиационно-защитными комплектами, стеллажи с инструментом и аварийные люки реактора.

— Вижу, усвоили. Сколько лазов ведут в реакторный отсек?

— Четыре: два сверху, два снизу. Максимально допустимое время пребывания там без РЗК: двенадцать минут.

— Хорошо. Максимально допустимая мощность реактора?

— Двести семьдесят три тысячи л. с., или, при использовании глушащих панелей за винтом, двести шестьдесят тысяч.

— Правильно. Протяженность машинного отделения?

— Э-э... Не помню.

— Плохо, Рамзи. Должны помнить. Все расстояния нужно знать назубок, с закрытыми глазами. Как вы будете ориентироваться в темноте, если напрочь вырубится свет?

— Ладно, понял. Ну так какая у него протяженность?

— Двадцать два фута — по сути, вся средняя часть судна. Четыре электрических двигателя установлены по два на каждом уровне, а в центре — коробка передач для привода.

— Усек. Дайте взгляну еще разок на план кормового отсека... Окей, можете спрашивать.

— Количество и расположение мостиков в машинном отделении?

— Черт, только что же смотрел!

— Количество мостиков?..

— Да погодите... Значит так: один идет из командного блока в носовой отсек, другой — к трюмам с оборудованием. Еще один — так называемый уровень А — вдоль верхних складов. Такой же проходит по низу и называется «уровень Б». Затем короткие мостики от уровней А и Б к двигателям и цистернам с кислородом. И последний, самый короткий, ведет к боевой рубке — когда рубка выдвинута, он превращается в трап.

— Хорошо. Можете ведь, если постараетесь. Едем дальше. Расположение кают?

— Каюты тоже?

— Отвечайте на вопрос.

— А вас не проведешь! Ладно, смотрите: каюта командера — по правому борту на верхней палубе, сразу за аппаратной. Старший помощник — по левому борту за комнатой отдыха, или лазаретом. Каюта бортинженера — по правому борту под капитанской, за машинным отделением, а для электронщика, то бишь меня, отведена каюта по левому борту под каютой старпома, сразу за провизионкой. Обязательно прорублю себе туда ход.

— Где находится камбуз?

— Это я хорошо запомнил. На верхней палубе, с левого борта. Вход через кают-компанию. Селекторы для упаковок с едой встроены в переборку, отделяющую камбуз от кают-компании. Оба помещения расположены между командным блоком и лазаретом.

— А за каютами что?

— Камера индукционного движителя.